

ИРИНА
ГОРДЕЕВА

НЕЖДАННЫЙ
ГОСТЬ

В жизни молодой художницы Анны Кирсановой одного провинциального городка существуют только ее картины. Именно они помогли ей вылезти из ужасной депрессии, связанной с разводом с мужем. Однажды на пороге своей квартиры она встречает обычного бомжа, который предупреждает ее об опасности. Анна не хочет верить, что кто-то желает ей смерти, забывая печальный афоризм, что лучший художник — мертвый художник. Разве она могла предположить, что на Западе ее имя давно известно, а ее картины стоят огромные деньги? Бомж становится на какое-то время ее телохранителем и помогает раскрыть истину и уберечь ее от неминуемой гибели. Кто же он на самом деле?

Ирина Гордеева

Нежданный гость

* * *

Серая сверкающая иномарка подъехала к зданию вокзала и остановилась. Из нее, помедлив, вышел лысоватый мужчина средних лет приятной наружности. Ночью отреставрированное здание вокзала сверкало множеством огоньков и подсветок, а начинающийся снег усиливал живущее во всех нас с детства предчувствие нового года, хотя до него еще было далеко.

Мужчина обошел машину со всех сторон, поправил зеркала, постучал ногой по заднему колесу, покурил и вальяжной походкой отправился в здание вокзала. Глядя со стороны, хотя вряд ли в этот момент кто-нибудь смотрел на него, можно было бы предположить, что он приехал встречать поезд. Мать или жену... Но дальнейшие его действия не подтвердили этого предположения.

Он вышел на перрон и смешался с толпой приезжих и встречающих, потом быстро юркнул в подземный переход и вскоре появился совершенно на другой улице. Начиналась легкая снежная метель. Одев перчатки, незнакомец быстро зашагал

по припорошенному асфальту и вскоре, сделав несколько замысловатых поворотов, попал в Верхний город.

Дом, который и представлял истинную цель его путешествия, был довольно дряхлым трехэтажным зданием. Ни в одном окне интересовавшего его подъезда свет не горел, а сам подъезд выделялся среди других перекосившейся дверью и отсутствием кодового замка. Мужчина замедлил скорость и, оглядевшись по сторонам, вошел в темный подъезд. Он подошел к самой первой на его пути двери и, достав ключ, постарался бесшумно попасть в замочную скважину.

В этот момент сзади него под лестницей произошло какое-то шевеление, раздался кошачий вопль, кто-то охнул и забормотал. Мужчина вздрогнул и огляделся. Под лестницей лежал бомж, вокруг которого грелось целое стадо бездомных кошек. Разбуженный бродяга попытался встать, а кошки, громко мяукая, готовились делить теплые места. Мужчина выругался и выбежал вон. Он быстро проделал обратный путь, ничуть не отступая от своего прежнего маршрута, и сел в свой автомобиль. Колеса взвизгнули, и машина с одиноким водителем покинула Привокзальную площадь. Первый снег носился по улицам, стучал в окна домов спящего города... Так зима напоминала

легкомысленной осени о своих правах.

* * *

Осень подкралась незаметно. После двух недель любимого всеми бабьего лета вдруг как-то сразу стало холодно, задул северный ветер, деревья быстро лишились своих желто-оранжевых нарядов... Анна и не заметила, как заболела. Голова кружилась, ноги подкашивались от какой-то ужасной слабости, в голове стоял туман... Мама... Мамочка...

Мама у Анны была самая чудесная. Добрая, заботливая. Самая лучшая. Она, конечно, приехала, словно, почувствовала что-то неладное, хотя жила на другом конце города. Она всегда приезжала в самое нужное время. Сердцем чувствовала.

— Аннушка! Ты меня слышишь?

Валентина Тихоновна потрогала ладонью горячий лоб своей дочери и поспешила найти термометр. В однокомнатной квартире Анны царил так называемый рабочий беспорядок. А, точнее, полный бардак. Кругом стояли картины, холсты, прибитые к рамкам, два перекосившихся мольберта, валялись кисти, тюбики с красками и прочая утварь художника, потому что Анна была художницей.

Найти термометр ей так и не удалось, и она

поспешила на кухню. Гора невымытой посуды, неубранный стол, грязная плита... Все, как обычно. Вскоре она вернулась с кружкой горячего чая, малиновым вареньем и горсткой таблеток.

— Аннушка, проснись! У тебя температура. Высокая очень. Выпей лекарства.

Она нежно погладила свою доченьку по голове. Завитки пышных темно-каштановых волос разметались по подушке.

— Да, мама. Прости. Я заболела. И так не кстати. Не успею закончить заказ к тридцатому, как обещала Максусу...

— Пей, моя дорогая. Ты все успеешь. Ты у меня умница.

Анна выпила лекарства и мамин «лечебный» чай. Он помогал ей всегда лучше всяких лекарств. И только один раз не помог... Но об этом вспоминать не хотелось.

— Полежи, моя дорогая, поспи. А я помолюсь... «Канон о болящем» всегда помогает.

Валентина Тихоновна поцеловала доченьку и стала повязывать косынку.

— Ну, опять ты мама! Лучше поезжай домой. Уже темнеет.

— А я у тебя заночую. На кухне лягу.

Анна застонала и махнула рукой. Сил сопротивляться не было. «Таблетки...» — промелькнуло в ее голове. Она закрыла глаза и

стала погружаться в сон. Серый, липкий, противный...

* * *

Этот сон снился ей много раз. Больничная палата. Решетки на окнах. Она сидит на кровати и плачет. Потом приходит медсестра и делает укол. Но укол не помогает. Слезы льются и льются. В окно стучит дождь. В душе только боль и ужасная тоска...

Слезы. Одни слезы и дождь. Месяц, второй, третий... Она так звала смерть. Но старуха почему-то не пришла.

К жизни ее вернул Макс. Он принес краски, холсты, кисточки. Он договорился с врачами. «Рисуй, что хочешь, только не плачь больше!», и она стала рисовать. Ангелов. Писать маслом. Почему? Она и сама не знает.

Вскоре ее выписали. После развода с Сергеем и размена их квартиры Анне досталась маленькая однокомнатная квартира, старый диван и два мольберта. Мама добыла ей холодильник, который прилично работал, и еще кое-какую мебель. Жизнь продолжалась. Самое главное тогда было то, что Анна перестала плакать. «Как раз на Пасху, слава Богу», — не раз повторяла потом Валентина Тихоновна.

Макс ей очень помог. Заказов не было. Денег не было. Еды тоже. В стране царил непонятный кавардак, называемый перестройкой.

Макс приходил, хвалил картины, приносил еду и цветы, фигурки ангелов, которые привозил со всего света. Дважды звал замуж. Но Анна отшучивалась, пытаясь об этом не думать. Макс для нее был просто другом. После ухода Сергея ей вовсе не хотелось не то, что замуж, ей не хотелось жить.

Однажды Макс забрал все картины, а вскоре принес деньги. «Рисуй еще. В этом же стиле. Я нашел покупателей». И она рисовала. Только Ангелов. Другое не хотела. Хотя могла. Она действительно была художником с большой буквы.

* * *

На следующий день температуры уже не было. Довольная Валентина Тихоновна что-то готовила на кухне. Анна попыталась взять в руку кисть. Рука была слабой, а голова кружилась.

— Пойдем завтракать, Аня! — позвала мама.

Помолившись и перекрестив еду, Валентина Тихоновна присела на табуретку. Анне все это не нравилось. Но она сдержалась и не стала, как обычно, высказывать матери свои соображения на

этот счет. Завтрак начался в молчании.

— Представляешь, в вашем подъезде под лестницей поселился бомж, — сказала она, — вчера иду, а он там лежит. Напугалась я даже. Холод такой, как он там? Может, вынесем ему что-нибудь покушать?

— Ты что? Если начнешь их прикармливать, так они весь подъезд загадят. Гнать их надо.

— Что ты! Как же его на холод-то? Ему и так, видно, горемычному досталось в жизни...

Завтрак закончился тем, что мать опять молилась, шепча что-то. Анна, отвернувшись, ушла на свой диван. Сегодня поработать не получится. Может, только к вечеру... Глаза сами собой закрылись, и Анна уснула.

Вечером мамы уже не было. Анна смутно помнила прошедший день. Приезжала мама или нет? Скорее всего, приезжала. Но точно на этот вопрос она ответить бы не смогла. Как назло, кончился кофе. По этой простой причине хозяйке пришлось одеваться и идти в магазин. Хотя очень не хотелось. Еще нужно было купить продукты соседкам из 6-й квартиры, Реве и Люции.

Это были две сестры-старушки, страдающие болезнью Паркинсона. Аня давно стала ухаживать за ними, как только здесь поселилась. Два раза в неделю она покупала им еду, иногда лекарства. Они, конечно не виноваты, что мама с папой

назвали их в честь революции, разделив ее пополам, и уж, конечно не виноваты в своей ужасной болезни, от которой тело тряслось постоянной дрожью. Анне было их очень жалко. Одинокие, престарелые и никому не нужные... «Им еще хуже, чем мне, во много раз», — думала она, выбегая из подъезда на мороз.

* * *

— Возьмите, вот, — Анна зазвенела мелочью. Мать еще с детства приучила ее подавать милостыню нищим и убогим. «Хоть копеечку, но подай, а лучше — столько, чтобы на хлебушек хватило», — говорила ей Валентина Тихоновна всякий раз, когда они шли мимо просящих, и сыпала в руку Анечки монетки.

Под лестницей в полумраке, как раз напротив квартиры Анны, прислонившись спиной к батарее, сидел неопределенного вида мужчина.

— Купите себе еды. Здесь должно хватить.

— Благодарю, вы так щедры, — сказал мужчина, забирая монеты, и слегка наклонил голову.

«Трезвый и довольно вежливый», — пронеслось у Анны в голове, и она поспешила отыскать замерзшими руками в карманах своей куртки ключ.

— Морозно сегодня, — попытался продолжить разговор мужчина, отчего Анна слегка поежилась. Ей было немного страшно и неуютно находиться в полутемном подъезде в обществе неизвестного мужчины, по всей видимости, без определенного места жительства. Тем не менее, она ответила:

— Вы выбрали не самый теплый подъезд... для отдыха... Вы и вчера спали здесь? Маму мою напугали...

— Простите. Я вовсе не хотел кого-нибудь напугать, тем более, вашу маму.

Анна немного успокоилась и, нащупав ключ, попыталась вставить его в замок. Потом, почему-то засмеявшись, сказала:

— Вы сидите на подстилке для котов.

— Это вы их так балуете?

— Ну, не умирать же им от голода и холода.

Подкармливаю их по возможности.

Наконец, она вставила ключ в замок, и дверь после некоторых усилий открылась.

— Простите, что я занял чужое место. Я уйду. Только немного еще погрееусь у батареи.

— Грейтесь, конечно, хотя тут едва ли можно согреться...

Анна закашлялась. Мужчина показался ей очень искренним и безопасным. Она всегда интуитивно чувствовала любую фальшь или угрозу,

исходящую от человека.

— Не угостите ли чашечкой кофе?

Этот вопрос как бы застрял в ледяном воздухе старого подъезда. Сердце ее уже сказало: да, но рассудок... Она растерянно заморгала, пытаясь бороться со своим «здравым смыслом».

— Что не люблю — так это навязчивость.

Дверь скрипнула, и хозяйка квартиры застыла в дверном проеме, повернувшись спиной к своему потенциальному гостю. «Довольно интеллигентный. Не старый. Почему же он бомж? Но самое странное, что я его совсем не боюсь».

— Прошу прощения, — заговорил незнакомец, — за свою навязчивость... Батареи тут едва ли можно назвать теплыми. А навязчивость — это же один из способов выживания для бродяг.

Это было действительно странным, но Анна не чувствовала страха. Впустить в дом неизвестного, к тому же, немытого бродягу. Но разум, обычно жестко реагирующий на такие ситуации, молчал. А сердце, исполненное необычайной симпатии к незнакомцу, сказало: «Да».

— Ладно, уж, заходите, погрейтесь. Только учтите — если что, у меня черный пояс по карате.

«Врать нехорошо, — подумала Анна, — но это способствует безопасности». Мужчина последовал за ней в квартиру.

— Благодарю Вас.

Голос... Его голос был почему-то знакомым. Негромкий и очень приятный. Он немного походил на голос Сергея. Ее бывшего мужа. Но сам человек не был на него похож. Довольно молодой, лет тридцати. Абсолютно правильные черты лица, добрые голубые глаза. Одежда была довольно сносной и, самое главное, никакого запаха. Анна уже сталкивалась у мусорки с его коллегами по несчастью. От них всегда ужасно воняло. «Мне попался бомж-чистюля», — пронеслось у нее в голове, и Анна улыбнулась.

Словно отвечая на ее удивленный взгляд, гость сказал:

— Я недавно бомжую, вот и сохранился хорошо.

Хозяйка усадила гостя в старое кресло и пошла варить кофе. «Красть у меня все равно нечего», — эта мысль успокоила ее еще больше. Вскоре квартира наполнилась чудесным, ни с чем не сравнимым ароматом. Анна всегда покупала самый дорогой кофе. Чуть обжаривала еще раз, молола практически в пыль. Еще в училище одна подружка научила ее правильно варить этот прекрасный напиток. «Чем мельче помол, тем лучше», — и это было правдой.

— Вот, угощайтесь, — сказала Анна, улыбаясь и подавая гостю поднос с чашечкой

ароматного кофе. Потом, словно спохватившись, она побежала снова на кухню и нырнула в недра своего старого холодильника. Он отнюдь не порадовал ее обилием продуктов. Анна поморщилась и, сделав скромные бутерброды с засыхающим сыром, вернулась к гостю.

— Простите, но у меня практически нечего есть. Надо было бы купить еды, а я схватила кофе и все, — Анна закашлялась. — Что-то не сообразила...

Кашель был сухой и вызывал сильную боль в груди. В коридоре стояла авоська с продуктами. Анна скользнула по ней глазами. Но это предназначалось Реве и Люции.

— Это не страшно. Я не голоден. Кофе у вас очень вкусный.

— Спасибо, я сейчас еще сварю. Вы хоть немного согрелись?

Она еще никак не могла понять всю необычность сложившейся ситуации. Одинокая, нелюдимая она вдруг впустила в дом бомжа и пьет с ним кофе. И не боится...

— Конечно, я очень вам благодарен. Сами-то что не пьете?

Через пять минут Анна с чашечкой кофе, завернувшись в плед, уселась на свой выдавший виды диван.

— А вы давно так вот, без жилья? — спросила